

★ БИТВА ★

РОССИЙСКИЙ СПЕЦНАЗ В СИРИИ

БАТАЛЬОНУ!

ПАРНИ СО СТВОЛАМИ

СЕРГЕЙ ЗВЕРЕВ

Сергей Иванович Зверев
Парни со стволами
Серия «Битва за Пальмиру.
Российский спецназ в Сирии»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23572270
Зверев, Сергей Иванович. Парни со стволами: Эксмо; Москва; 2017
ISBN 978-5-699-95510-7

Аннотация

Группе спецназа ГРУ капитана Бориса Котова совместно с французскими военными поручено выяснить расположение секретных складов исламских экстремистов. По дороге разведчики попали в засаду, но чудом избежали потерь. Котов в недоумении: нападение явно спланированное. Но маршрут группы был известен только военному руководству... Похоже, охота ведется персонально за Котовым... Подозрения капитана подтверждает пленный боевик. По его словам, в штабе группировки действует опытный диверсант, а Бориса давно разыскивает его личный кровник.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	28
Глава 3	60
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Сергей Зверев

Парни со стволами

© Зверев С., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2017

Глава 1

Провинция Латакия. Аэродром Хмеймим. База российских ВКС в Сирии

– Разрешите, товарищ полковник? – Капитан Котов, как и все офицеры ГРУ, работавшие на базе российских ВКС Хмеймим, был одет в форменную футболку песочного цвета и светлые маскировочные бриджи для южных районов, заправленные в армейские ботинки.

Жара стояла невероятная, но в модуле полковника Сидорина, представителя военной разведки в Сирии, было прохладно. Кондиционер уютно жужжал над входной дверью и сейчас приятно обдувал потную спину капитана. Сидорин и двое других командиров оперативных групп склонились над картой. Полковник посмотрел на Котова, кивнул и, сняв очки, уселся в свое кресло, закинув ногу на ногу.

– Так, ну, все в сборе, – произнес он. – С вашими рапортами за прошедшую неделю я ознакомился. В целом с тенденцией согласен, вы все правильно уловили ситуацию.

Котов пододвинул стул и, пожав руки своим коллегам, майору Стрельникову и капитану Белобородову, уселся по другую сторону стола от шефа. Сидорин сейчас не столько

рассказывал о своих умозаключениях подчиненным, сколько пытался рассуждать вслух, формулируя мысль, как бы проверяя ее на прочность и реальность. Это была манера полковника, и офицеры ее прекрасно знали, изучили за эти месяцы. Шефу надо выговориться, порассуждать, задать самому себе риторические вопросы, на которые у него уже были готовые ответы, или ответы, которые он пока еще только примеривал.

Группа Стрельникова только что вернулась из района Хальбы. Майор привез с собой двух раненых бойцов и был сейчас злым как черт, хотя командиру это в вину никто не ставил. Каждый сам понимал, что потери, пусть даже и восполнимые, – это вина командира, и только командира. Он лично отвечает за подготовку и проведение каждой операции, и все успехи и неудачи – это его личные успехи и неудачи. Точнее, успехи – это успехи всей группы, а неудачи – лично его.

Котов протянул руку, чуть сжал локоть майора и шепнул: – Все нормально, Олег.

Стрельников только поморщился и махнул рукой. Вечно улыбчивый и источающий позитив капитан Белобородов покосился на коллег и вздохнул. Ему предстояла, по приказу из Москвы, работенка «не пыльная», но нудная. Велено было оказать методическую помощь сирийцам в подготовке их спецназа. Целый месяц капитану предстояло тренировать сводную группу сирийских офицеров. А его группа была за-

действована на подготовке учебного лагеря. Кому-то предстояло гонять курсантов по полосе препятствий и знакомить с техникой рукопашного боя, кто-то, как эксперт по вооружению, отбирал образцы трофейного оружия и готовил занятия по ознакомлению сирийских бойцов со всеми особенностями иностранного оружия.

Сидорин был и сам не доволен таким приказом. Он полагал, что этим заниматься могли и присланные из Москвы специалисты, а его три группы должны выполнять свои непосредственные обязанности по сборке и проверке информации в полевых условиях. Прислать специалистов обещали, но пока, как заявило руководство, стоит проявить стратегическое мышление и в короткие сроки подготовить сирийцев, для того чтобы они могли оказывать более профессиональную помощь в области разведки.

– На сегодняшний день, ребята, – устало вздохнул полковник, – наша основная задача – проверка точности сведений по объектам инфраструктуры боевиков и их укрепленных позиций.

– Да, – хмуро кивнул Стрельников, блеснув наголо обритым черепом. – Даже в нашей глуши слышно, как в Пентагоне и НАТО нас поливают последними словами, что бомбим, не глядя, что жертвы среди мирного населения, что беженцы в Европу чуть ли не из-за нашей авиации хлынули.

– Чуть ли? – усмехнулся Сидорин. – Не чуть ли, а есть и такое мнение, и оно высказывается не реже, чем все осталь-

ные. Задача стоит сложная, но приказы следует выполнять.

– И других задач с нас никто не снимал, – расплылся в ехидной улыбке белобрысый Белобородов.

– Не снимал, – согласился Сидорин. – Значит, так, общую обстановку я вам изложил. Теперь постановка задачи. Котов!

– Я! – Капитан подался всем корпусом вперед, следя, куда ткнет на карте карандаш начальника.

– Смотри, Барс, вот здесь, в Латакии, наклюнулись склады. – Полковник обвел карандашом участок слабо гористой местности. – По сведениям пленных, часть караванов из Турции идет напрямик вот сюда. Что в машинах, они не знают, если не врут, но слышали, что склады секретные.

– Как в прошлый раз? – спросил Котов. – Формируют материальную базу какой-то предстоящей операции?

– В принципе похоже на те склады, что ты тогда видел и которые мы разбомбили. Те, что предназначались для обеспечения операции в Дамаске.

– На севере много чего есть, – резонно заметил Стрельников. – Один из самых сложных районов Сирии, находящийся под контролем оппозиции. Что до войны, что и сейчас. Курды! И никто их не любит!

– А они хотят жить, – усмехнулся Котов. – Это же яснее ясного, что Турция разжигает к ним ненависть и пытается очернить. А курды жили в этих местах испокон веков. Район Алеппо – их исконные земли. Крупнейший народ, который до сих пор не имеет собственной государственности.

– Не будем вдаваться в турецко-курдский конфликт¹, – нахмурился Сидорин. – Он тянется даже не с 80-х годов, он стар как мир! Курдское ополчение, воюющее с сирийскими сепаратистами, – наши союзники и союзника Асада. Хотя бы формально! Только между ними не все гладко, и курды не только в Турции, но и в Сирии тоже хлебнули. Но сейчас их успехи ложатся в общую копилку, и они вполне согласуют с правительственной армией свои действия.

– С курдами мы еще плотно не сталкивались, – сказал Стрельников и кивнул на Котова: – К Алеппо пока не подойти, дальше Ракки даже Барс не ходил.

– Я и в Ракке не был, – пожал тот плечами.

– Кто где был, это, конечно, важно, – прервал офицеров Сидорин, – но сейчас речь о другом. Прошу вас всех уяснить и на носу себе зарубить. Основная ваша задача – подтверждение истинности сведений о целях, подлежащих бомбардировке. Сейчас это самое важное. Даже не количество важно, а качество. Не должно быть даже в принципе сомнений,

---

¹ В начале прошлого века курды несколько раз безуспешно восставали против турецких властей. В 1961 году началось восстание курдов в Ираке, которое, с перерывами, продолжалось несколько десятилетий. Рост курдского национализма привел к возникновению Рабочей партии Курдистана (РПК) – военно-политической организации, на первоначальном этапе своей борьбы (1984–1993) ставившей своей целью создание суверенного государства курдов в Турции, однако с 1993 года сменившей курс на создание курдской автономии в составе Турции. В 1984 году РПК начала фактически партизанскую войну в восточных и юго-восточных провинциях Турции. И тогда для борьбы с партизанами была привлечена уже регулярная турецкая армия. (Здесь и далее прим. авт.).

что та или иная цель не относится к инфраструктуре террористов. Полное и точное определение. Ясно?

– Что-то готовится на международной арене? – догадался Котов.

– Там всегда что-то готовится. Например, такие политические ходы, которые будут более эффективными, чем бомбометание. Невозможно быстро истребить всех врагов, можно за короткий промежуток времени уменьшить их количество, договорившись.

– С оппозицией?

– Да, – кивнул Сидорин. – Среда вооруженной оппозиции неоднородна, и вы это прекрасно знаете, сами сталкивались с их представителями. И в данный момент очень возросла тенденция к провокациям против России. Подсунуть объект гражданский, навести наши самолеты на мирную цель, поспорить с каким-то оппозиционным движением, которому надоело воевать. А самая крупная сила в Сирии, воюющая с международным терроризмом, после армии Асада – это курдские повстанцы. Они малочисленны, фанатично преданы своему народу, своей многострадальной истории. Сейчас самое время и правительству, и всем остальным повернуться к курдам лицом, заручиться их поддержкой и на будущее. В данный момент очень легко пошатнуть и без того шаткий и непрочный паритет противоборствующих сил.

– А на чьей стороне у нас альянс? – усмехнулся Белобородов. – Не ждать ли нам подвоха от наших союзников по

оружию?

– Не от всех, – качнул головой полковник. – Французы очень обеспокоены, особенно после массовых терактов на своей территории, унесших больше сотни жизни простых граждан. Такое правительству не прощают, и Оланд будет рубаху рвать, но стараться вести объективную и эффективную политику в Сирии, пусть и опасаясь гнева США. А вот Обама однозначно будет гадить. Он развалил и вверг в хаос весь арабский мир, пытаясь свалить несговорчивые правительства и привести к власти их противников. Теперь мы имеем что имеем. Теперь результат этой политики, как грязная пена отходов жизнедеятельности, хлынул в Европу, а за океаном будут потирать руки и присматриваться, когда можно начать сбывать в Европу свою продукцию и создавать свою зону торговли. И в конечном итоге сделать экономику Евросоюза еще более зависимой от экономики США.

На столе Сидорина зазвонил телефон внутренней связи. Полковник поднял трубку, покивал головой и разрешил помощнику дежурного проводить какого-то гостя к нему.

– Все, товарищи офицеры, – хлопнул он ладонью по столу. – Политинформация окончена. Постановка задачи каждой группе в рабочем порядке. Готовьтесь.

Командиры групп поднялись. Сидорин знаком велел Котову остаться и развернулся в офисном кресле с сетчатой спинкой к двери. Спецназовец понял, что неизвестный, о котором полковнику доложили по телефону, сейчас придет сю-

да, и Котова это касается напрямую.

Дверь распахнулась, впуслав поток жаркого воздуха с улицы, и на пороге появился молодой офицер в чужом непривычном тропическом камуфляже и красном берете. Котов сразу узнал в визитере того самого лейтенанта, который положил его лицом в пыль вместе с Мариам, когда они вырвались с базы террористов в районе Гурум-Асата и достигли побережья. Он тогда подумал: ну, встретишься ты мне еще пижон. Правда, он был занят больше другой проблемой – не засада ли это террористов, не наемники ли это, переодетые во французских морпехов? Хотя действовали французы тогда грамотно.

– Лейтенант Броссар, – четко вскинув ладонь ко лбу, по-английски представился француз. – Первый специальный парашютно-десантный полк морской пехоты. К вашим услугам, господин полковник!

Парень держался хорошо. Ни грамма эмоций на самоуверенном лице, берет на голове сидит лихо, с заломом, затылок... строительный бетонный блок разбить можно. И ни сном ни духом он Котова не знает, в упор не видит. Так я и поверил, подумал капитан, что у этого морпеха настолько скверная память на лица. Очень цепкий, помнится, взгляд у него был тогда, очень цепкий. Да и какой он парень, точно уже под тридцать. У них в Иностранном легионе не так просто в офицеры выслужиться, да еще в этом парашютном полку. Знаем мы про этот парашютный полк, он во всех го-

рячих точках бывал. Там отсев еще на стадии подготовки в учебном центре, кажется, процентов восемьдесят. Так что не стоит недооценивать этого лейтенанта.

Сидорин поднялся и пожал французу руку. Крепкая голова Броссара качнулась в вежливом полупоклоне.

– Прошу знакомиться, – повел рукой в сторону своего подчиненного Сидорин. – Капитан спецназа военной разведки Котов.

– Мы знакомы, – холодно отозвался лейтенант, глядя на русского своими невыразительными серыми глазами, и протянул ладонь: – Кажется, так? Твою в душу мать?

Последняя фраза была произнесена по-русски с акцентом, но интонация соблюдена была точно. Так конкретно выразил свое неудовольствие Котов, когда ему велели лечь лицом вниз под дулами французских автоматов. Сидорин вскинул брови. Посмотрел на французца, потом на Котова и коротко хохотнул:

– Ну, понятно. Самые яркие эмоции. Ну, раз вы друг друга помните, то перейдем к делу. Прошу садиться.

Котов наконец уловил в серых глазах французца бесовские огоньки. Ну, порядок, решил спецназовец, значит, не совсем робот. А то в нашем деле работает только человеческий разум, человеческие чувства и эмоции. С мироощущением робота в спецназе делать нечего. Броссар снял берет, провел рукой по коротким волосам и уселся на стул, закинув ногу на ногу, а капитан вернулся к своему стулу возле стола.

– Я просил вас приехать, лейтенант, – начал Сидорин, – как раз потому, что вы командовали той группой, которая встретила капитана Котова на побережье в районе Гурум-Асата. Вы, кажется, в тот день патрулировали территорию, если не ошибаюсь?

– Да, господин полковник. Мы получили информацию о возможном появлении боевиков в районе этого населенного пункта, и я со своей группой выехал с заданием. Прошу простить, но цель задания я озвучить вам не могу.

– Конечно, – кивнул Сидорин. – Вы также выезжали в горы и руководили осмотром базы боевиков, с территории которой капитан Котов до этого с боем вырывался на машине.

– Так точно. Я получил такой приказ от своего командования. Мы были ближайшей группой спецназа коалиции в этом районе.

– Вы можете вспомнить, лейтенант, и описать то, что увидели в горах на момент вашего прибытия с морскими пехотинцами? – спросил полковник и посмотрел на Котова.

Тот мысленно хмыкнул, не понимая, что за вопросы задает полковник французскому лейтенанту и почему он их задает. Кажется, сам он в тот же день с максимальной точностью описал и устройство этой скрытой базы, и всех боевиков, кого он тогда там перебил, и оборудование, которое попытался тогда уничтожить. Даже тип антенны на скале.

Лейтенант стал коротко описывать увиденное им в момент прибытия в горы. Укрепленный пост на въезде в «гор-

ле» этого ущелья. Расположение зданий, состояние склада, помещений во втором здании, где Котов увлекался швырянием гранат. Француз был настоящим профессионалом, потому что точно и почти не задумываясь называл даже количество убитых по помещениям. Что-то во всем этом спектакле, устроенном Сидориным, Котову не нравилось. К чему все шло?

– Замечательно! – подвел итог полковник. – А теперь я прошу вас вернуться чуть назад, лейтенант. После осмотра склада вы подошли ко второму зданию. Что вы увидели снаружи? Повторите, пожалуйста. И как можно точнее.

– Please, Colonel. I will repeat², – терпеливо ответил лейтенант, не выдав интонациями голоса своего удивления или недовольства.

Котов насторожился и стал внимательно вслушиваться в слова француза. Лейтенант рассказывал, что, когда они подошли ко входу в здание, изнутри отчетливо пахло сгоревшим порохом и гарью от тления натуральной ткани и живой плоти. Входная дверь была повреждена взрывом, так что коридор немного просматривался. Морпехи сразу увидели тела внутри. Снаружи одно тело лежало правее входа метрах в пяти.

– Стоп! – перебил француза Котов и тут же виновато посмотрел на Сидорина. – Подождите, Броссар. Как это, только одно тело? То, что лежало метрах в пяти правее входа,

---

² Пожалуйста, господин полковник. Я повторяю (англ.).

оно как выглядело? Бородатый, в полувоенной одежде? Штаны от камуфляжа, заправленные в высокие армейские ботинки, черная футболка, жилет зеленый с большим количеством карманов.

– Да, именно так он выглядел, – спокойно ответил лейтенант. – И смертельное ножевое ранение в спину в область сердца. Его переворачивали, судя по размазанному пятну крови на спине и на камнях под ним. Наверное, обыскивали.

– Это я ключи от машины в его карманах искал, – отмахнулся Котов и пристально посмотрел на Сидорина. – Я еще в прошлый раз обратил внимание на фразу в докладе, что на территории базы в горах обнаружено не пятнадцать, а четырнадцать тел. Не стал спорить, думал, что просто ошибка в подсчетах. Там еще одно тело должно было быть, точно перед входом и с пулевым ранением в спину.

– Нет, перед входом тел не было, – ответил лейтенант, повернувшись всем телом к капитану. – И с подсчетом тел ошибки не было. Все тела были вынесены на улицу и уложены в ряд. Их тщательно обыскали и осмотрели на предмет отличительных черт и особых примет. Вы порядок знаете. Вместе с двумя охранниками на въезде и еще двумя в складском ангаре, всего было четырнадцать тел.

– Понятно, – вздохнул Котов. – Машка промахнулась.

– Машка? Как это промахнулась?

– Ну, Мариам! Она же наполовину русская, я вам рассказывал, Михаил Николаевич. Не, не совсем промахнулась.

Она в Шалуба попала, но не в сердце. Когда я Назими на своих плечах тащил, то, видимо, оказался на линии огня, поэтому она и не сразу выстрелила. Видимо, опасалась, что пуля пройдет через тело араба насквозь и попадет в меня или отца. Или промахнуться боялась. Вот и взяла чуть в сторону. Может, машинально. Короче, ранение Шалуб получил не смертельное, но упал как настоящий артист.

Ахмеда Шалуба, сотрудника ЦРУ, этнического араба, ставшего американцем во втором поколении, засекли в Сирии недавно. И бог весть сколько времени он здесь уже работал, но только чистая случайность позволила сорвать его тщательно разработанный и подготовленный план по массовым диверсиям в Дамаске, по дискредитации российских военных, по созданию напряженных отношений между Российской армией и западным альянсом, а также по срыву первой попытки начать мирные переговоры в Женеве между конфликтующими сторонами. И вот теперь выясняется, что Ахмед Шалуб, имевший псевдоним Хасан, остался жив, что сирийская девушка-снайпер Мариам промахнулась.

– Думаешь, он жив? – хмуро спросил Сидорин, злясь, что капитан начал разговор про американского агента хоть и по-русски, но при постороннем человеке. – Так... хреново дело. Вот этого я и боялся. Ладно, это была первая часть «марлезонского балета». Теперь вторая. Лейтенант Броссар, расскажите капитану Котову о полученной вами информации о складах в окрестностях поселка Мукадан.

Французский лейтенант так же сжато рассказал, что два дня назад после атаки правительственных сил на севере Латакии была освобождена территория, ранее находившаяся под контролем террористов. В городской черте французские спецназовцы обнаружили два грузовика с оружием, боеприпасами, снаряжением и индивидуальными сухими пайками. Машины стояли, плотно прижавшись к стене дома. Возле заднего борта одной из машин находилось окно полуподвального помещения разрушенного жилого дома. Спецназовцы спустились туда и обнаружили склад, который начали заполнять незадолго до внезапного наступления.

– Вы установили, откуда поступало оружие, боеприпасы? – спросил Котов.

– Да, местные жители, что прятались по подвалам последние месяцы, показали нам человека, который, по их словам, был водителем одной из этих машин. Он признался на допросе, что загружали их машины в ангарах на северной окраине Мукадана.

Котов снова посмотрел на карту, где недавно Сидорин обводил карандашом район в горной Латакии.

– Мы показали ему фотографии, – продолжал лейтенант, – сделанные с «беспилотников». Место он указать точно не смог, ссылаясь на то, что плохо ориентируется на местности и не умеет читать карты и аэрофотоснимки.

– Сомнительно, что водитель плохо ориентируется по картам и на местности, – заметил Котов.

– К сожалению, у меня мало времени, – взглянув на наручные часы, поднялся с кресла Сидорин. – Боря, договорись с лейтенантом о взаимодействии и обмене информацией. «Добро» от его начальства о совместной деятельности здесь, в северной Латакии, получено. Своди, кстати, в нашу столовую, а то время обеденное. Пообщайтесь. Будет полезно.

Француз поднялся на ноги мгновенно, как будто подброшенный пружиной. Натянув на голову красный берет, он двумя отработанными движениями придал ему надлежащее положение и тут же вскинул ладонь ко лбу, отдавая честь русскому полковнику.

– Удачи! – кивнул Сидорин и вышел из модуля.

– Ну что, лейтенант, – подошел Котов к француззу. – Давай знакомиться? Меня зовут Борис. А тебя?

– Валентин.

– У тебя русское имя?

– Оно не русское, скорее латинское. Были в раннем христианстве какие-то святые. Я точно не помню.

– Ну, пошли, угощу тебя нашим русским обедом.

Выйдя под палящее сирийское солнце, Котов натянул козырек пониже на лоб и повел гостя к столовому модулю. Над бетонной полосой аэродрома Хмеймим постоянно ревели авиационные двигатели. Взлетали и садились самолеты. Он обратил внимание, что лейтенант как-то странно смотрит на военную технику, провожает взглядом взлетающие маши-

ны, даже прикладывает козырьком ладонь к глазам.

– Что, любишь самолеты? – спросил Борис.

Броссар промолчал, перестав таращиться на боевые машины. Потом, когда они уже подошли к модулям обеспечения базы, среди которых была и столовая, он вдруг остановился, повернулся к капитану и, глядя куда-то за его плечо, медленно проговорил:

– Знаешь, Борис, с Россией в нашей семье связано многое. Там погиб мой... как по-английски, не знаю... *arrière-grand-père*.

– Прадед, что ли? Отец твоего деда? – догадался Котов. – «Нормандия – Неман»?

– Да, он воевал там.

– Ну, тогда все честные люди и патриоты воевали против нацистов.

– Сейчас что изменилось? – вдруг резко спросил лейтенант, уставившись ему в глаза. – Сейчас что иначе, Борис? Международный терроризм лучше нацизма? Умеренная оппозиция здесь, в Сирии, лучше, чем простая оппозиция? И те и другие так же стреляют, убивают, разрушают!

– Ты, кажется, не совсем согласен со своим начальством, Валентин? – усмехнулся капитан.

– Война сама по себе грязное дело, – ответил Броссар. – А уж когда делами начинают заправлять...

– Политики? – подхватил Котов. – А ты думаешь, что все можно решить силой оружия?

– А ты как думаешь? – с интересом посмотрел на него лейтенант.

– Я считаю, что оружие – лишь способ подготовки политических решений и мирных процессов. Это способ убеждения. Или протрезвления, если хочешь.

– Значит, вы не будете бомбить в Сирии объекты террористов до полной победы армии Асада над сепаратистами?

– Ох, сложный это вопрос, Валентин, – засмеялся Котов. – Я не знаю, как давно ты здесь, а у нас сложилось свое впечатление о событиях.

– И какое?

– Видишь ли, сепаратисты понесли серьезный ущерб, их экономическая основа, единственный серьезный способ финансирования, подорвана. Инфраструктура нелегальной торговли нефтепродуктами пострадала колоссально, но террористы не разгромлены полностью и не изгнаны из всех захваченных ими территорий.

– И Турция все еще помогает террористам, – согласно кивнул капитан.

– Да, не решена и эта проблема. Слишком велика враждебная активность турецких властей на севере Сирии. Фактически помощь Турции дважды срывала попытки освободить Алеппо. Но есть и другие проблемы, которые мы ударами с воздуха не решим. Например – ограниченная боеспособность сирийской армии. Даже если учесть, что она усилена подразделениями из Ирана, Ирака, что ее поддерживает

курдское ополчение.

– Значит, сирийская армия не очень надежна?

– Ну, за всю армию я не скажу, но в целом лояльность и боеспособность сирийских вооруженных сил, даже после того как мы оказали им военную помощь, оставляет желать лучшего. Ну, может, за исключением элитных частей, в которых воюют не все, кто назвал себя патриотом, а люди подобранные и подготовленные.

– ВВС, например?

– Да, ВВС из отдельных соединений специального назначения, комплектуемых по национально-религиозному признаку – христианами и алавитами из западной Сирии. Сирия – пестрая страна. И не забывай, Валентин, что в центре страны по-прежнему не ликвидированы анклавов, которые контролируются умеренной и неумеренной оппозицией. И кто из них кто, разобраться не всегда удастся. Они слишком часто меняют свою политическую позицию. И слишком много сил брошено на локализацию этих анклавов, на попытку блокировки их территориально. А ведь все эти силы могли бы пригодиться для периферийных участков зоны контроля правительственными силами. До сих пор есть еще Идлиб, есть Алеппо и Ракка. И нет чисто военного решения в попытках усмирения суннитских кварталов в других крупных городах Сирии.

– Надо договариваться, лейтенант. Пора.

– Если бы ты знал, сколько мы пытались договариваться

в свое время в Алжире, в Тунисе, в Марокко!

Броссар махнул рукой и повернулся к квадратному зданию передвижного модуля. Котов поспешил к двери, которая вела в обеденный зал, а не в кухню. Незачем вводить гостя в конфуз.

То, что переводчик группы лейтенант Зимин добровольно взваливал на себя почти все нагрузки спецназовцев во время их тренировок, Котова радовало. Вот уже больше трех месяцев выпускник МГУ, в чьи обязанности входило, по большому счету, лишь общение с местными, включая допросы пленных, да помощь в разборе документации, если такая оказывалась в распоряжении группы спецназа во время операций, участвовал вместе с группой в серьезных делах. Бойцы прониклись к переводчику уважением и давно перестали подтрунивать за его спиной над гипертрофированной чистоплотностью лейтенанта.

Сейчас по бетонной «рулежке» группа капитана Котова бежала в полном снаряжении, мерно топая ботинками. Все подогнано, все застегнуто, все в кармашках «разгрузок» лежало так, чтобы не издавать никаких звуков. Во время маршбросков разрешалось только шумно дышать и топать ногами. И то до поры до времени. Быстро восстановить дыхание, слиться с местностью, замереть или начать скрытно передвигаться, подкрадываться к цели разведчики тоже умели.

– Зимин! – гаркнул Котов.

Весь строй спецназовцев, не прекращая бега, как один повернули головы в сторону командира. Во взглядах читался немой интерес. Задание?

– Шире шаг! – прикрикнул на солдат заместитель Котова старший лейтенант Белов.

Зимин отделился от строя и рысью помчался на зов командира. Придерживая одной рукой автомат на груди, а другой смахнув капли пота со лба, он довольно ровным голосом доложил:

– Товарищ капитан, лейтенант Зимин по вашему приказанию прибыл!

– Переоденься, приведи себя в порядок. Поедем с тобой одного интересного пленного допрашивать.

– Есть! – коротко бросил Зимин. – Разрешите идти?

– Да, и зайди в санчасть, спроси Марину Стасько. Ее просили захватить с собой, она повезет какие-то препараты сирийцам.

Зимин четко повернулся, сделал несколько шагов бегом, потом перешел на шаг, снимая с себя автомат и расстегивая жилет. Спецназ – это, конечно, не обычное строевое подразделение, тем более спецназ военной разведки. Здесь группы формируются в зависимости от предстоящего задания, бойцы подбираются по их качествам и способностям. В группе может оказаться не один офицер-командир, а несколько. Например, если понадобится срочно включить в состав группы грамотного сапера или специалиста по какому-то виду во-

оружия или техники. И тогда берут того, кто свободен, кто ближе, невзирая на звание. На задания выезжают лейтенанты и капитаны вместе с рядовыми контрактниками, сержантами, прапорщиками и старшинами. И все, плечом к плечу, делают одно общее дело. Такова специфика.

Казалось бы, в атмосфере некоторого равноправия и послабления дисциплина должна была хромать. Но именно у разведчиков каждый понимает, что дисциплина – основа успеха. Такая же основа, как и профессиональное мастерство, опыт. И чтобы его подчиненные не расслаблялись, Котов умышленно старался вести себя на территории базы, когда группа на отдыхе и тренировках, так, как предписывает устав. Все-таки армия!

Белов закончил тренировку и отпустил подчиненных мыться и готовиться к обеду.

– Что-то новое? – спросил он, подходя к Котову.

– Сирийцы зацепили какого-то малого, который напел про хитрые склады здесь, в Латакии, якобы имеющие целевое назначение. Велено проверить реальность цели, чтобы наши не отбомбились по гражданским.

– Белобородов сказал, что установка меняется. Я его видел, когда они от Сидорина выходили со Стрельниковым.

– Да, хотят нас на ближайшее время переключить на подтверждение объектов бомбардировки. Есть основания полагать, что будут нашим «летунам» подсовывать хорошо подготовленную «дезу».

– Ясно, – усмехнулся Белов. – Чем реальнее возможность начала мирных переговоров, тем больше у кого-то желания подставить нас, поссорить с альянсом, а Асада поссорить с теми оппозиционерами, которые уже готовы перестать стрелять.

– Не забывай еще, что Турция будет продолжать активно наносить максимальный ущерб курдам. Они хотят еще и руками террористов бороться со своей курдской оппозицией. А курды нам на территории Сирии нужны. Их ополчение – реальная сила. Они живут тут давно, это их исконная территория проживания – Курдистан. И они будут сражаться за свои семьи и свою жизнь до последнего.

– Это понятно, – кивнул заместитель. – Значит, я пошел кормить и готовить ребят?

– И приценись на карте к району Мукадана.

– Мукадан? Понял, командир.

– И пусть парни машины посмотрят, проверят... Черт, как Савичева не хватает! Мне спокойнее всего за машины, когда он рядом или когда за рулем.

– Слушай, командир, там тебя медики искали. Сидорин сказал, что ты едешь к сирийцам, и они...

– Да знаю, – махнул Котов рукой и хмуро посмотрел себе под ноги.

– Маринка? – понимающе улыбнулся Белов.

– Знаешь, что она при летчиках отчебучила? – еще более хмуро спросил Котов.

– Поцеловала тебя в засос, – тихо засмеялся заместитель. – Все видели. Только не все поняли. Знаешь, зачем она это сделала?

– Да потому что...

– Потому что один человек ей прохода не дает! – весело перебил командира Белов. – Вон она и разыграла спектакль.

– Ты серьезно? – уставился на него Котов. – А я, значит, как этот... громила из своего двора. Типа, кто тут наших обижает? Или я на ней жениться теперь должен, потому что ей какой-то ухажер прохода не дает?

– Да ладно тебе! – засмеялся Белов. – Ты же знаешь, какая она шебутная! Местная красавица, разбитная баба. Если бы в ее поведении было что-то аморальное, ее начальство давно бы на родину отправило. А так – все в рамках шуток и веселого флирта. Ну что, пойду готовить машины? Все четыре? Хоть нас и шестнадцать осталось вместе с тобой, но перегружать технику не стоит. Мало ли как в дороге и во время боя сложится.

– Да, четыре, – кивнул Котов, хлопнул Белова по плечу и пошел в сторону модуля их подразделения.

Глава 2

– Здравствуй, Боря!

Котов обернулся. Все-таки Марина Стасько была чертовски хороша. В армейской футболке и брюках она выглядела довольно привлекательно. Спецназовец сообразил, что юбку на форменные брюки женщина сменила как раз потому, что ей ехать в расположение сирийской армии.

– Привет, Мариша.

– Те не сердишься на меня за тот случай?

– Ну, я понял, что это была шутка, – замялся капитан. – А чего это тебя посылают с медикаментами? Должны же врачи ехать, или сирийцы получили бы сразу по документам. Вон все равно с нами конвой поедет.

– Шутка, говоришь? – как-то по-особенному посмотрела на него Марина. – Ну, ладно, пусть так. Ты меня не замечаешь или делаешь вид, что не замечаешь? Не понимаю я тебя. А медикаменты я везу нашим врачам. Они уже со вчерашнего дня там, надо просто довести им еще препараты. Там в освобожденных городах и поселках страшная антисанитария, огромное количество трупов людей и животных, может и эпидемия начаться.

Котов повернул голову на звук машины. Зимин, лихо за-

тормозив, открыл дверь «Гусара»³ и с довольным видом произнес:

– Прощу, господи! Пардон, и дамы!

– Смешной, – рассеянно улыбнулась Марина и, наклонившись, подняла дюралевый кейс с лекарствами. – Мальчик еще.

– Этот мальчик, – подхватил увесистый кейс из ее рук Котов, – участвовал с нами уже во многих операциях. И показал себя зрелым мужчиной.

– Показал? Или оказался зрелым мужчиной? Это большая разница.

– Ой, ты опять со своими играми в слова, – засмеялся Котов, открывая заднюю дверь для девушки.

Заурчал мотором грузовичок, в кузове которого сидело полтора десятка сирийских солдат, сопровождавших русских в расположение правительственного батальона, ведущего бой за поселок Эн-Нахия. Сепаратисты снова подтянули туда силы и заняли уже почти половину населенного пункта. Теперь их заново выбивают оттуда, но дело идет очень медленно.

Пока ехали по шоссе, Марина рассказывала, что сооб-

---

³ Улучшенный вариант «УАЗ» – «Hunter «Гусар» с японским 2,5-литровым бензиновым двигателем «Toyota -5VZ-FE» мощностью 203 лошадиные силы и с коробкой передач «LandRover». Защищенный двигатель. Рамная усиленная конструкция внутри салона позволяет монтировать на крыше в люке турель для установки пулемета калибра 7,62 или 12,7 мм, а также автоматического гранатомета. Стоит на вооружении подразделений спецназа ГРУ.

щили врачи. О подвалах, заваленных телами расстрелянных мирных жителей, о заминированной больнице, о том, что в поселке уже почти не осталось жителей. Все покинули его почти год назад. Котов сидел на переднем пассажирском сиденье и внимательно слушал ее.

– Марин, – спросил он вдруг, не поворачиваясь, – а скажи честно, зачем тебя понесло в Сирию?

– Разнарядка пришла, вот и поехала, – неопределенно ответила Стасько.

– Это понятно. Спросили желающих, и ты вызвалась. А вот зачем ты вызвалась? Тебе тут интересно?

– А ты думаешь, что только мужики могут? – сразу стала агрессивной Марина. – Думаешь, что мы слабее.

– Нет, не думаю, – засмеялся Котов. – Русская женщина и в избу...

– Да-да! – огрызнулась медсестра. – Знаем, как вы любите эту поговорочку. А сирийские девочки тоже не слабые, да? Как там твоя снайперша воюет?

Котов поморщился. Вот уж чего ему меньше всего хотелось, так это, чтобы вся группировка российских сил в Сирии знала о его связи с сирийской девушкой. Предосудительного ничего, но дело не только в нем, слухи ползут ведь и о Мариам. И ладно бы, если между ними что-то было. Так ведь ничего нет.

– Смотрите! – кивнул головой вперед Зимин и сбавил скорость.

Котов уже и сам увидел, что впереди на обочине шоссе лежит тело. Судя по одежде, это сириец из сельской местности. Одет он был в длинную полосатую рубашу, которую тут называют кунбаз. На голове комком большой платок, завязанный на затылке. Котов жестом велел Зимину еще сбавить скорость и принялся крутить головой во все стороны. Справа к шоссе подходил вплотную большой холм, часть которого срезали при строительстве дороги. Слева изрезанная холмистая долина, покрытая чахлой древесной растительностью и кустарником. Никаких овец или коз, никакой повозки. Как и почему этот селянин тут оказался?

Спецназовец мгновенно прокрутил в голове несколько возможных вариантов событий, предшествовавших появлению здесь тела. Сняв с предохранителя автомат, он коротко приказал:

– Марина, ложись на сиденье и не поднимайся, пока не разрешу! Если в машину станут стрелять, то перемещайся на пол под сиденье. Зима, медленно едешь, но не останавливайся ни в коем случае! Если будет нападение, принимай решение сам. Но варианта у тебя будет только два: или прорываться вперед, или назад.

– А вы? – машинально спросил лейтенант, стискивая пальцами руль.

– Слышал приказ? И помни, что ты отвечаешь за Марину. Котов взялся за ручку двери и посмотрел в зеркало заднего вида на идущий следом грузовик с солдатами. Запылен-

ный «ГАЗ-3308», еще, наверное, из первой партии поставок России десятилетней давности, уверенно шел сзади. До лежащего на обочине тела оставалось всего несколько метров, когда он открыл дверь и поставил ногу на порожек.

Время! Толчок, и Котов пробежал несколько метров по инерции рядом с машиной, постепенно отставая. Подбежав к телу, присел на одно колено. Труп был старый, он уже источал запах разложения. На руках и лице появились трупные пятна. Котов рывком перевернул его. На груди виднелось пятно высохшей крови и посередине аккуратная дырочка от пули. Его убили не здесь и не сейчас. А то, что тело здесь, может означать одно: надо было привлечь внимание проезжающего конвоя. И привлекли!

Черт, подстава! Котов не столько услышал, сколько нутром почувствовал выстрел и бросил свое тело в кувырок, уходя с возможной линии стрельбы. Где-то рядом раздались звон разбиваемого пулей стекла, визг тормозов, крики сирийцев. «Зимин, убью!» – мысленно взревел Котов, увидев, что «уазик» останавливается, развернувшись капотом в сторону холма, а следом остановился и грузовик с солдатами. «Уж эти-то сообразят, как себя вести в условиях обстрела, подумал капитан».

Он преодолел расстояние до «уазика», сделав всего шагов двадцать, но при этом на бегу успел четырежды бросить свое тело из стороны в сторону, чтобы не дать неизвестному стрелку или стрелкам прицелиться. Только бы не пулемет...

«И какого черта!» – чертыхнулся он про себя, увидев, как задняя дверца «уазика» открывается, и на асфальт спускается нога Марины Стасько в армейском ботинке тридцать седьмого размера. Значит, нервишки сдали, растерялась женщина. А Зимин что же? Хотя что может сделать молодой и не очень опытный парень с перепуганной женщиной? Он по-настоящему перепуганных женщин и не видел еще.

За доли секунды спецназовец успел испугаться за Марину и оценить временной интервал между первым выстрелом и вторым, который может прозвучать. Если Марину не срезали до сих пор очередью, значит, не автоматчик и не пулеметчик, значит, там снайпер. И то, что он слышал выстрел, означало, что снайпер стреляет без глушителя, но с расстояния не менее пятисот метров. Следовательно, времени на прицеливание и второй выстрел у него уйдет чуть больше, чем с близкого расстояния, но лимит времени уже исчерпан.

Пригнувшись, медсестра выскочила на асфальт, и время снова в глазах спецназовца потекло с обычной скоростью. Котов упал на бегу так, чтобы подсесть ноги Марины и опрокинуть ее на себя, так она не ушибется при падении на асфальт. Медсестра ойкнула и, разбросав руки, рухнула всеми своими килограммами пышного женского тела на капитана. С шумом выдохнув воздух и мельком прислушавшись к хрусту в области ребер, спецназовец схватил Марину за футболку на спине и, перекатившись под машину, рывком потянул ее на себя.

Вторая пуля ударилась в боковую открытую дверь машины, но Котов уже сидел на асфальте, прижавшись спиной к задней двери. Марина, всхлипнув, буквально упала на него, придавив мягкой грудью, и принялась осыпать своего спасителя поцелуями. Ее мягкие влажные губы попадали на лицо капитана, на плечи, на кисти рук, которыми он пытался унять медсестру.

– Ну... все, все! Ты в безопасности, Марина! Ну, перестань!

Кузов «уазика» вдруг качнулся и завибрировал. Котов тут же стащил с себя Марину и повернулся назад. Так и есть, Зимин. Лейтенант перебрался с водительского сиденья в салон, поднялся к турели с пулеметом и теперь очередь за очередью палил куда-то вправо. Интересно, видит он снайпера или нет. Сирийцы точно не видели, потому что довольно бестолково растянулись цепью на обочине и перебежками двигались просто в направлении, перпендикулярном полотну.

– Зима! – прикрываясь кузовом, закричал Котов. – Ты его видишь?

– Вижу, он в кустах, вон за... – Из-за грохота автоматов сирийских солдат Котов так и не расслышал, где переводчик видит снайпера. Пришлось открывать дверь и забираться в салон машины.

– Олег, ты знаешь, что такое целеуказание?

– Знаю!

– Вот и давай! – прокричал Котов сквозь автоматную

стрельбу. – Как только я пересеку обочину и лягу, даешь длинную очередь.

Он ужом скользнул через заднюю дверь на асфальт и, присев возле Марины, строго сказал:

– Значит, так, подруга дней моих суровых. Сидишь здесь и не высываешься! Поняла? Ты уже один раз чуть не подставилась под пули. Я не могу каждый раз скакать тут на виду у снайпера и вытаскивать тебя. Можно ведь и не успеть. Вот только подведи меня еще раз!

– Ты придешь и меня накажешь? – томным голосом спросила медсестра.

– Тьфу! – покачал головой Котов, показал Марине кулак и бросился в сторону от машины.

Все, теперь в голове только дело. Он уже не думал ни о Марине, с ее пошлыми шуточками, ни о медикаментах, ни о пленнике, которого для них держат в штабе сирийского батальона в Эн-Нахии. Теперь только снайпер и он, капитан Котов. Все остальные – лейтенант Зимин, сирийские солдаты – это только инструменты, только помощники, которые хорошо или плохо выполняют свою задачу, но он, капитан Котов, должен свою выполнить независимо от них. Независимо ни от чего.

С крыши «уазика» длинными очередями забил пулемет. Котов тут же поднял голову и стал смотреть на кустарник, росший участками на гребне холма. Жаль, что в пулеметной ленте не заряжены кроме обычных патронов еще и трассиру-

ющие. Ну ничего, пыльные столбики, заплясавшие наверху, возле небольшой пирамидальной кучи камней, хорошо говорили сами за себя. Точно, удобное место. Не потому, что от туда простреливалась вся дорога, а потому, что груда камней защищала стрелка с одной стороны, кустарник, в котором он, видимо, выщипал себе амбразуру, маскировала с другой. В минуту опасности снайпер одним движением спрячется за камни и станет недосыгаем.

Держи его, Зима, буркнул себе под нос Котов и сорвался с места. Сирийский ракиб⁴ порадовал его. Парень, видимо, имел приличный боевой опыт и сразу сообразил, куда бросился русский офицер и почему и куда стреляет его товарищ из пулемета. Резкие команды сирийского командира быстро навели порядок в рядах. И теперь солдаты, когда пулемет с крыши «уазика» открывал огонь, перебежками попарно передвигались и снова падали в камни. Котов бежал вверх, тоже ориентируясь на длинные очереди Зимина, но он забирал намного правее нужной точки на холме, пытаясь прикрываться грудой камней, служившей убежищем снайперу. Главное – не упустить момент, когда снайпер будет менять позицию. Тогда можно и на пулю нарваться.

Котов машинально измерил на глаз расстояние до позиции снайпера. Если там опытный боец, он не подпустит противника ближе чем на двести метров, на таком расстоянии

---

⁴ Ракиб – звание в сирийской армии, соответствующее сержанту европейской армии.

его задавят прицельным автоматным огнем. Он должен постараться либо перебить наступающих раньше, либо должен уйти. Потом его прижмут огнем, подберутся ближе и забросают гранатами. Живой нужен, какие, к лешему, гранаты!

Однако сирийцы шли хорошо, это Котову понравилось. Двигаться перебежками их научили. И прижимать огнем стрелка в огневой точке тоже. И Зимин молодец. Теперь он бьет короткими очередями, не давая снайперу поднять голову и прицелиться. А там ли стрелок? Может, его там уже и нет? Он ведь еще ни разу не выстрелил. Хотя выстрела Котов мог и не слышать, но вот то, что у сирийцев нет потерь, настораживало.

Через пять минут спецназовец стоял на камнях в окружении подоспевших запыхавшихся сирийских солдат. Картина была абсолютно безрадостной. Сирийцы, конечно, веселились, и их командир был несказанно доволен. Как же, уничтожили боевика, напавшего на конвой, обошлось без потерь. Только вот что радостно для армейского подразделения, совсем не красит бойцов спецназа военной разведки. От трупа многого не узнаешь, труп на вопросы не ответит. Не для того спецназ в разведке существует. Разведке нужны сведения, данные, факты, а спецназ – ее важный и хорошо подготовленный инструмент. Инструмент точный, почти для ювелирных хирургических операций, а не для того, чтобы стены прошибать головой.

– Ну что там? – не оставляя горячего пулемета, спросил

с крыши «уазика» Зимин.

Котов оглянулся на сирийцев, которые волокли вниз тело убитого, потом прислонил автомат к колесу машины, открыл дверь и взял с сиденья фляжку с водой. Плеснув в руку прохладной влаги, он с наслаждением вытер лицо, потом набрал в рот воды и подержал ее там, увлажняя пересохшую слизистую оболочку.

– Хороший ты парень, Олег, – наконец сказал капитан, завинчивая крышку. – Если бы ты еще стрелял чуть похуже, цены бы тебе не было.

– А... это я? – унылым голосом спросил лейтенант.

– Нет, инопланетяне прилетели специально, чтобы помочь нам в борьбе с сирийскими сепаратистами. Они незримо сопровождали нас во время этой поездки, а в нужный момент тремя пулями из пулемета Калашникова убили проклятого снайпера. Одна – в грудь, вторая – в горло, третья – точно в лоб. Кровищи и мозгов там метра на три вокруг. Кровожадные какие инопланетяне, правда?

– Я думал... – замялся Зимин. – Я понимал, что вас надо прикрывать. А потом вы ведь сами мне сказали про целеуказание.

– Знаешь, Олег, – засмеялся Котов, – вообще-то, чтобы не расхолаживать и воспитывать в тебе настоящий боевой дух, тебя следовало наказать, отчитать как следует за невыполнение приказа. Тебе что было сказано – ни при каких обстоятельствах не останавливаться. Было?

– Конечно, но когда ситуация...

– Олег! – с обреченным видом покрутил головой Котов. – Ты пойми, чудак-человек, в армии нет ситуации и исключений из правил. В армии есть приказ или отмена приказа. И пока приказ не отменен, подчиненный должен его выполнить во что бы то ни стало. И та армия лучшая на этом свете, в которой приказы выполняются безропотно и не задумываясь. Понял?

– То есть, если бы я уехал, – упрямо стал выяснять Зимин, – снайпер положил бы половину сирийских солдат, что нас сопровождали, а в итоге его все равно бы застрелили. Результат был бы тот же, но цена...

– Тяжело с тобой, – улыбнулся Котов. – Хорошо, что ты не на сто процентов мой подчиненный, а лишь прикомандированный. Думаешь, уел меня, да? А теперь посмотри на ситуацию с другой стороны. А если бы ты сделал все то же самое, как и сейчас, но в засаде оказался бы не один неопытный снайпер, а взвод стрелков с парой пулеметов? Может, один из пулеметов был бы крупнокалиберный. Да еще парочка «Шмелей» у них при себе нашлась бы. И сидели бы они не в пятистах, а в ста метрах от дороги. «Шмель» бьет на двести метров, ты по газам дал и за минуту, пока они прицеливались и ловили тебя в своих диоптрах, вышел бы из зоны поражения, спас бы Марину, медикаменты и машину. А заодно сообщил бы о происшествии. Потому что мы бы все тут погибли. Тебе просто повезло, что результат такой, а не

другой.

– Вот так, мальчик, – возникла из-за машины Марина и провела пальчиком по носу Зимина.

– Товарищ сержант медицинской службы! – нахмурился Котов, с трудом сдерживая улыбку.

Западная часть провинции Хама. Поселок Эн-Нахия

Встречало русских спецназовцев и машину сопровождения почти все командование сирийского батальона, включая и самого командира с трубкой спутниковой связи в руке. Котов удивленно посмотрел по сторонам, покосился на свой конвой, солдаты которого опустили борт машины и ждали офицера штаба для осмотра тела.

– Котов, черт, что там случилось? – взорвалась трубка взволнованным голосом Сидорина.

– Нормально все, товарищ полковник, – постарался отвечать спокойным голосом спецназовец. – Какой-то дикий снайпер засел в стороне от дороги. Потерь нет, ущерб материальной части минимальный.

– Да плевал я на материальную часть! Что за засада такая? Он что, один был?

– Да, Михаил Николаевич, – понизил голос Котов. – Сам удивился. Шальной какой-то. А может, на почве фанатизма «крыша поехала», вот и ринулся на подвиги. Жаль, допро-

силь нельзя.

– Что, одного живьем взять не смогли? Удивляюсь тебе, Борис!

Последние две фразы прозвучали из уст Сидорина довольно едко. Котов поморщился. Что делать, всегда вина ложилась на его плечи. И сегодня виноват был не Зимин, а сам капитан. Вот уже три месяца как переводчик прикомандирован к группе Котова, а командир до сих пор не удосужился объяснить офицеру, что такое воинская дисциплина, что такое в армии приказ. Не будешь же ссылаться на то, что у тебя лейтенант неумеха. Да и не собирался Котов отпираться, не привык перекладывать вину на чужие плечи.

– Товарищ полковник, – попытался вставить капитан, – снайпер работал с расстояния в пятьсот метров. Естественно, чтобы подойти к его «лежке», пришлось прижимать его огнем, во избежание потерь личного состава. Шальная пуля. Никто не гарантирован от такого...

– Любите вы ссылаться на случайности, – проворчал Сидорин, постепенно остывая. – Что он там делал, Котов? Вот вопрос!

– Ну да... – не очень уверенно пробормотал спецназовец. – Как бы в нескольких километрах от нашей авиабазы – это нетривиально.

– Смертник? Может, там около дороги фугас заложен? Ты местность осмотрел?

– Если честно, я не придавал значения, товарищ полковник.

Ну мало ли их шатается по стране. И группами, и по одному. Вокзалы взрывают, машины. А этот винтовку раздобыл и ни разу не попал. Фанатик. На вид ему лет двадцать-тридцать, после попадания пули из «калаша» в голову точнее определить трудно. Винтовка у него «СВД», но в таком состоянии, что я удивляюсь, как он вообще из нее в машину попал. Тут сейчас местные займутся телом, может, установят какую-то принадлежность.

– Я знаю, мне звонили уже, – проворчал полковник. – Ладно, занимайся пленным. После допроса сообщи факты и свои соображения. У меня все.

Котов жестом подозвал молодого сирийского офицера и вернул ему аппарат спутниковой связи. Где-то совсем рядом вдруг начали ожесточенно стрелять. Он повернулся лицом в сторону окраины поселка, и опыт сразу подсказал ему, что идет не простая позиционная перестрелка, а кто-то отбивает атаку. С одной стороны – беглый огонь, явно малопривлекательный, огонь плотный, на подавление. С другой стороны – короткие, но частые расчетливые очереди. И периодически длинно лупят пулеметы. Видимо, прижимают прорвавшегося противника и отгоняют его снова на линию атаки.

– Олег, спроси у союзника, – кивнул на сирийского офицера капитан, – что у них тут творится?

Зимин задал несколько вопросов сирийцу, и тот повел русских офицеров на окраину поселка, по дороге рассказывая и горячо жестикулируя.

– Батальон активно действовал два дня, – переводил Зимин. – Они очистили почти всю территорию поселка, но к сепаратистам скрытно подошло подкрепление. Сегодня на рассвете они двумя сходящимися ударами отрезали одну роту на невыгодных позициях, и командование поспешило ответить свои подразделения, чтобы те не были уничтожены. Подошедшие силы бандитов очень хорошо вооружены, ночью они сумели занять позиции для атаки и действовали так, как будто очень хорошо знали город. Есть подозрение, что кто-то из местных помогал.

– Знакомая песня, – усмехнулся Котов, идя за сирийским офицером. – Всегда во всем винят шпионов и предателей. Воевать надо лучше и смотреть вперед чуть дальше собственного носа. К ним подкрепление подошло, а командир батальона и не заметил. Противник атаку подготовил и на его рискованные фланги, а он, видите ли, не предвидел такого поворота событий. Где у них пленный?

– Вон в том большом одноэтажном доме, – ответил Зимин. – Там у них командир батальона со штабом, а НП левее, на крыше вон той трехэтажки.

Котова и Зимина провели по коридору в самый конец, где их встретил высокий сириец в зеленом камуфляже без знаков отличия. Он распахнул дверь и пригласил русских офицеров войти. Пленный сидел на стуле в середине комнаты. За столом напротив него у окна сидел офицер и старательно записывал показания. Пленник обернулся на вошедших

и смахнул со лба пот. Вид у него был озабоченный, даже немного испуганный. Это было заметно по бегающим глазам и по тому, что этот немолодой человек все время облизывался и вытирал рот пальцами.

Котов прошел к столу и обернулся к пленнику. Невысокий, коренастый, давно небритый, руки хорошие. Не холёные, не ухоженные, руки рабочего человека. Или крестьянина. Мозолистые, с твердыми ногтями и застарелой траурной кромкой грязи под ними. По лицу видно, что не лидер. Исполнитель, возможно, грамотный специалист, хороший помощник, но и только. Если засылать специально для дезинформации, то не такого. Этот бесхитростный, врать не умеет, если только он не талантливый актер. Нет, не актер, так не сыграешь. Котов повидал за время своей службы много и пленных, и засланных агентов, и людей, которых ошибочно принимали за агентов.

– При каких обстоятельствах он попал в плен? – кивнул Зимину на сирийцев капитан.

Тот перевел вопрос, потом удивленно посмотрел на офицера, сидящего за столом, и перевел ответ:

– Он, собственно, и не пленный. Он сам пришел. Перебежчик. Но они ему не очень верят.

– Да-а? – с усмешкой протянул Котов. – Спроси, как его зовут и кто он по своей мирной профессии.

Зимин начал говорить, и пленник переменился в лице, стал отвечать спокойнее. Кажется, он догадался, что двое ев-

ропейцев, вошедших в комнату, – русские. Не боится русских, успокоился? Наверняка не врет, подумал Котов. Бандиты прекрасно осведомлены, что в Сирии работает русская военная разведка, и знают, что это такое. Должен был бы заволноваться.

– Зовут его Зафир Диргади, – сказал Зимин, повернувшись к командиру. – Он всю жизнь работал здесь на нефтеперерабатывающем заводе. Когда пришли террористы, его и еще многих рабочих заставили работать на них. Денег не платили совсем. Иногда давали еду, лекарства. У них с братом были овцы. Немного, в пригороде. Жили трудно. А месяц назад брата убили, и Зафир решил перебежать. Терять ему все равно теперь нечего. Брат у него был шофером, водил большие машины. Его мобилизовали возить грузы для боевиков. А месяц назад колонну разбомбили российские самолеты.

– Ну, извини, – недобро хмыкнул Котов. – Закон войны. Кто помогает врагу, тот уже не друг.

Зимин замолчал, посмотрел на командира, а потом перевел Диргади его слова. Сириец вздохнул, но глаз не опустил.

– Я в смерти брата виню только бандитов. На них его кровь и кровь сотен и тысяч людей. И я пришел к вам, чтобы помочь. И отомстить.

– Понятно, – кивнул Котов, усаживаясь боком на подоконник. – Пусть рассказывает, что он принес, какую информацию.

– Я повторю, – стал переводить слова сирийца Зимин. – Я уже говорил, но повторю нашим российским друзьям. Брат рассказывал мне о своих поездках. Мы с ним еще тогда обсуждали возможность сбежать к верным правительству войскам и передать все. Мой брат возил военные грузы. Это боеприпасы, снаряжение, оружие, снаряды для пушек и мины для минометов. Еще возил продовольствие – сухие пайки для солдат. И все это с двух складов. Кто привозил на склады, он не знал, предполагал, что другие машины откуда-то издалека. А он и другие местные шоферы возили со складов в разные районы, туда, где идут бои или скоро начнутся.

– Спроси у этих, – кивнул Котов на сирийских офицеров, – есть у них карта этой провинции и северо-западной части страны.

Высокий вышел и через пару минут принес несколько сложенных карт. Вместе с Котовым они расстелили их на столе. Найдя на карте поселок Эн-Нахия, спецназовец подозвал Диргади:

– Покажите, куда ездил ваш брат. Какими маршрутами. Конечные точки.

Он умышленно не стал тыкать пальцем в карту, пытаясь понять, насколько сириец разбирается в картах, насколько уверенно сейчас начнет показывать объекты и маршруты. Будет это выглядеть как заученный урок или он начнет вспоминать, задумываться, вглядываться в карту. Диргади подошел и немного растерянно посмотрел на карту. Зимин от-

крыл было рот, но Котов сделал ему еле заметный знак рукой. Переводчик понял и не издал ни звука, переводя взгляд со своего командира на перебежчика и назад. Наконец сириец заговорил:

– Я не очень разбираюсь в этих значках. Если вы мне подскажите, где тут что, я, может, и сориентируюсь. Я же рабочий с завода, а не военный.

– Вот смотрите. – Котов взял со стола шариковую ручку и обвел на крупномасштабной карте поселок, где они сейчас находились. – Это Эн-Нахия. Мы находимся вот тут, на этой окраине. В каком городе жили вы с вашим братом?

– В Мукадане. Это на север отсюда.

– Найти на карте можете? Вот направление на север, вот эта линия – шоссе.

Через пять минут Диргади нашел с помощью спецназовцев свой город, завод и показал, где находятся склады на окраине города. Оттуда, по его мнению, его брат вывозил в другие районы военные грузы. Было очень сложно без конкретных подсказок заставить Диргади найти те районы и те точки на местности, куда его брат возил грузы. Не мог он показать и место, где автомобильную колонну, в которой ехал его брат, накрыла наша авиация.

– Ну что? – спросил Зимин, когда Диргади увели.

– Я так понял, что и у тебя зародилось какое-то недоверие, – внимательно посмотрел на лейтенанта капитан. – Ну-ка, поделись!

– Да нелепо как-то, Борис Андреевич. Они с братом, шофером, кстати, человеком, который карты знал, потому что часто ездил на большие расстояния, готовились к тому, чтобы перебежать на сторону правительственных сил. Они информацию хотели передать о местах, путях движения... обсуждали с братом, все это... И? И он тут изображал, что карту не знает. Нелепо. Он должен был узнать карту за время подготовки, это совершенно определено. Да и в атласах автомобильных дорог карты практически такие же, как и военные топографические... топография, она и в Африке топография.

– Вот-вот, – кивнул Котов. – И веры его показаниям из-за этого два гроша. И ценность – пятьдесят на пятьдесят. Заберем с собой. Будем разговаривать на базе еще и еще. Постараемся навести справки, устроить перекрестную и косвенную проверку и его показаний, и его биографии тоже. К чему ты прислушиваешься?

Зимин вздрогнул от резкого выкрика командира и повернулся к нему.

– Там у них что-то случилось, – показал он на окно. – Кто-то остался заблокированным в поселке, а «бандерлоги» наступают. Хотят подтянуть минометный расчет.

– И что?

– Снайперы, Борис Андреевич.

– Снайперы? – Котов напрягся как пружина. – Пошли!

Зимин бросился за командиром, еле успевая за его быст-

рым шагом. Котов буквально поймал за рукав одного из офицеров в звании накиба⁵. Подоспевший Зимин стал расспрашивать его о сложившейся ситуации.

– Кто из девчонок там? – торопил Котов, будто предчувствуя беду. – Зовут как, спроси, как зовут, фамилии!

Слова «Мариам Назими» спецназовец понял и без перевода. Имени второй девушки он не разобрал, но не выпускал ворота куртки офицера, пока Зимин не подтвердил, что в поселке, после отступления солдат батальона, остались два снайпера, и одна из них – Мариам. Через минуту сирийский офицер уже рысью мчался в сторону НП на третьем этаже здания, подталкиваемый русским капитаном. Зимин бежал следом с напряженным лицом. Он уже знал своего командира достаточно, чтобы понять, что Котов может сейчас поступить совсем неожиданно. А командование его поступка может не одобрить. Черт, командование и не узнает! Зимин поморщился, представляя, как не могут потом устроить разборки, как его самого будут спрашивать и как он станет врать и прикрывать Котова. Ведь будет. Обязательно будет!

– Давай быстрее! – Котов чуть ли не за шиворот втащил Зимина на крышу. – Потребуй от них всю диспозицию. Где снайперы, где свои, где «бандерлоги»? Какие планы? В темпе!

Зимин стал расспрашивать наблюдателей. Прибежавший

---

⁵ Накиб – звание младшего офицера в сирийской армии, равнозначное званию капитана европейских армий.

с ними нагиб, который оказался заместителем командира батальона, подтвердил полномочия российских офицеров. Котов слушал перевод и рассматривал в бинокль поселок. Получалось, что снайперы остались в угловом доме, выходившем на две улицы. Небольшая площадь создавала приличную простреливаемую территорию вокруг него. Боевикам обойти дом не давали пулеметчики батальона. Да и подоспевшие два минометных расчета прижимали противника к камням и развалинам.

Сам дом, в котором остались девчонки, выглядел удручающе. Двухэтажный, высокий, в прошлом магазин или что-то еще более представительное. Хорошо еще, что его архитектура была типичной для старого города. Окна не во всю стену, а в старом арабском, чуть ли не мавританском стиле. Обилие колоннад, вытянутые окна с овальной верхней частью. Из-за обстрелов он был разрушен так, что битый кирпич и щебень возле здания доходили чуть ли не до половины первого этажа.

Котова этот факт особенно радовал. Благодаря этой куче мусора попасть в здание непросто, да еще под огнем снайперов с фасада и под огнем пулеметчиков отсюда. Но все равно это временно, девчонки бесконечно держаться не смогут.

– Дай! – протянув руку назад к Зимину, не глядя, пощелкал пальцами Котов.

– Что? Не понял!

– Магазины свои мне давай. И гранаты.

– Вы... Туда? Один?!

– Не пори ерунды! – буркнул Котов, распахивая запасные магазины по карманам и за пазуху. – Толпой, что ли, туда идти? Положат всех еще на подходе. Тебя с собой брать? А кто мне тут связь держать будет? Скажи, пусть мне рацию свою отдадут. И ты будь здесь постоянно. Жалко, коммуни-каторы не взяли. Но кто же знал!

– Борис Андреевич, – вцепился в руку командира Зимин. – Может, все же как-то не так?

– Ты что, Олег, не веришь в мой боевой опыт? Если уж меня в заграникомандировку послали, да еще командиром оперативной группы, наверное, я что-то стою в спецназе разведки.

– Сидорин вас убьет, – решительно проговорил лейтенант.

– Ну, ему придется в очереди постоять, – засмеялся Котов. – Посмотри вон туда. Знаешь, сколько там будет желающих! И потом, ты же ему не расскажешь, как я тут «робингудом» работал.

– Он не поймет, – вздохнул переводчик.

– А ты-то понимаешь? Понимаешь, что девчонки погибли? Что вот эти ребята вокруг нас имеют много энтузиазма, но мало опыта для такого дела. А я смогу. Я сейчас тут единственный человек, который их может спасти. Ну, так как? Идти спасать или вздыхать, что полковник Сидорин выругает меня за непослушание?

– Идти, – попытался улыбнуться Зимин.

– Хорошего человека за версту видно, – покровительственно похлопал его по плечу Котов.

Маршрут спецназовец себе наметил еще с НП сирийского батальона. Через две минуты ударили минометы, и по окраине площади взметнулись дымные всплески, разбрасывающие вокруг камни и сталь осколков. Котов вскочил и в несколько шагов преодолел расстояние до первого дома. Высокая арка входа зияла черной дырой, как остатки гнилого зуба во рту. Он влетел во двор и вдоль стены пробежал к самому дому.

Головой крутить приходилось на все триста шестьдесят градусов, а мозг работал быстро и четко, привычно анализируя ситуацию по основному параметру: есть опасность – нет опасности. Притаившиеся боевики могли оказаться за каждым окном, за каждым поворотом, на каждой крыше.

Сорванная занавеска на окне и выбитая рама... – это нормально, там взорвалась граната... не сегодня, запаха сгоревшей взрывчатки нет, гильзы на земле потемнели – не свежие. В доме удушливо пахнет мертвечиной... там засады быть не может, потому что русского спецназовца никто тут не ждал, о его присутствии никто не подозревал, а высидеть в такой вони не то что сутки, даже час невозможно.

Котов боком, держа автомат наготове и чуть опустив ствол вниз, проскочил в комнату, прошел вдоль стены и сунул голову в следующую комнату. Труп боевика вздулся так, что

одежда натянулась на нем, как на барабане... лицо потемнело, а кровь вокруг на полу давно уже свернулась и высохла. А вон след крови к окну. Раненый уползал или его вытаскивали. Выглянув в окно и оценив ситуацию, спецназовец перекинул ногу, потом вторую и прыгнул на землю. Узкая короткая улочка между домами просматривалась в обе стороны метров на пятьдесят.

Главное, чтобы дверь была открыта, думал Котов, примериваясь пересечь одним прыжком эту улочку и влететь в дверь следующего дома. Дальше будет проще, потому что там почти до самого дома, где боевики блокировали снайперов, тянется сплошная полоса разрушений. Тяжелая артиллерия поработала, скорее всего, гаубицы с закрытых позиций. И не так давно.

Толчок, одна секунда, и Котов врезался плечом в деревянную дверь дома напротив. Второй попытки у него не было. Улица вполне могла простреливаться боевиками, могли где-то сидеть снайперы. И в этот удар всем телом во входную дверь он вложил всю энергию своих мышц. Казалось, что хрустнули кости, в локоть довольно чувствительно ударился углом автоматный магазин, но... дверь оказалась незаперта.

Хорошо, что она такая толстая и тяжелая, подумал капитан, влетая в темную прихожую и успев увидеть перед собой первые ступени лестницы, ведущей на второй этаж. Зашипев от боли в боку и локте, он сразу вскочил на ноги и прижал-

ся к стене, осматриваясь по сторонам. Свет проникал только с улицы через дверной проем. Еще одна дверь под лестницей была плотно закрыта, сверху свет тоже не проникал. Как в эту минуту Котов не любил плотно закрытые двери – это опасность, скрытая угроза, препятствие, которое чаще оказывается бестолковым, но проходить его надо с максимальной осторожностью, как будто за каждой дверью стоит враг, а может, и не один.

Но сейчас самое главное – пройти весь маршрут как можно незаметнее. Без бросания гранат в комнаты перед собой для поражения гипотетического противника, без автоматных очередей за угол. Сложно, но иного выхода нет. Девчонкам там в доме на перекрестке и того хуже. Они, конечно, патриотки и храбрые солдаты, но они девчонки, вчерашние школьницы. А потому мужикам за них и впрягаться.

Время поджимало. Котов понимал, оценивая увиденное с НП сирийского батальона, что боевики готовят атаку. Им важно не только выбить снайперов из того дома, им важно устроить там свой НП. Дом хоть и в два этажа, но высокий, и корректировать минометный огонь оттуда вполне можно. И накапливаются ребятишки там вполне откровенно. В разбитом полуподвальном магазине – это раз. За фасадом дома справа по перекрестку, который плохо видно с НП батальона, – это два. А в-третьих, что-то подозрительно боевики минами прочесывают улицу, что подходит к нужному зданию слева. Подготовка атаки налицо.

Обдумывая все это, он неслышно подобрался к двери под лестницей. Вытянув левую руку и положив ствол автомата на сгиб локтя, потянул дверь на себя, готовый в любой момент открыть огонь и броситься в сторону. Комната была пуста и заполнена битой штукатуркой и осевшей известковой пылью. Окно чудом уцелело, а вот стена справа зияла проломом, видимо, туда попала мина. Котов присел возле пролома и стал рассматривать двор и задний фасад здания. До него оставалось метров двести. Если держаться левой стороны развалин, скорее всего, со стороны позиций боевиков бегущего спецназовца не заметят. Но его будет видно из здания, и это самое неприятное.

Ладно, если его увидит, но не сразу узнает сама Мариам. Хотя в оптику своей винтовки она сразу его разглядит. А если это будет вторая девушка, ее напарница? Была не была. Котов решительно поднялся с корточек и побежал прямо к дому. Ему приходилось все время осматриваться по сторонам и при этом не выпускать из поля зрения окна второго и первого этажей здания. На втором мог появиться снайпер, на первом – прорвавшиеся к дому боевики.

Осталось метров пятьдесят, когда возобновился минометный обстрел со стороны сирийского батальона. Котов ругнулся. Значит, боевики оживились, и их пытаются осадить. Шальная мина – дело опасное. Мину маленького калибра почти не слышно, и из-за взрывов не услышишь и полет мины большого калибра, промахнуться на пару десятков мет-

ров сложно, но кто знает, кто там крутит верньеры наводки у миномета. И Котов побежал уже без оглядки по сторонам, как во время кросса по пересеченной местности на учениях. Теперь он мог смотреть только на дом. Еще метров десять – и все будет в норме... вскочить на эту насыпь обломков кирпича, и в окно первого этажа...

Вскочив на груды битого кирпича, он сразу увидел двух боевиков. В зеленых куртках с «разгрузками», в черных шапочках с зеленой исламской эмблемой, они двигались по пустому разбитому холлу первого этажа к лестнице. Грохот разрывов на улице заглушал шаги, в разбитые оконные и дверные проемы влетали клубы пыли, поэтому, когда они увидели Котова, их разделяло всего метра четыре.

Только не стрелять, пульсировало лихорадочно в мозгу. Только не пугать девчонок стрельбой. Первый же из боевиков, низкорослый, с черной недельной щетиной на лице, сразу вскинул автомат, но Котов ногой отбил оружие в сторону и обрушил свой автомат на голову боевика. Террорист упал, но второй оказался более опытным – так как времени использовать автомат не было, он сразу выхватил правой рукой нож из чехла на груди.

Котов бросил свое оружие и перехватил руку противника в запястье. Свой нож он выхватить левой рукой не успел. Она оказалась в железных тисках руки террориста. Противник оказался силен, и пляска друг вокруг друга продолжалась около минуты. Каждый пытался избежать удара ногой

или подсечки, каждый стремился не дать выдернуть руку из захвата. Оба дышали хрипло из-за облаков пыли, залетающих в здание после близких взрывов.

Первый оглушенный противник уже начал подавать признаки жизни. Еще минута – и у спецназовца будет два противника.

«Надо во что бы то ни стало вырваться из захвата или хотя бы сделать вид», – мелькнуло в голове. Котов резко отступил назад, вырывая руки из захвата. Его противник машинально шагнул за ним, но опоздал на долю секунды. Расстояние между ними всего на миг увеличилось, и Котов тут же согнул ногу в колене и, резко выбросив ее вперед, нанес удар в живот боевику. Тот взмахнул руками и от такого сильного удара отлетел на пару метров назад, теряя равновесие. Выхватить из чехла нож для спецназовца было делом одной секунды. Коротко свистнуло в воздухе оружие, и боевик опрокинулся на спину, сжимая горло, откуда торчала рукоятка ножа.

Второй боевик, тряся головой, уже поднимался с пола. Котов находился от него на расстоянии метров трех. Из оружия при себе у него оставался лишь пистолет, а поверженный противник уже приходил в себя, и под рукой у него находился автомат. Котов наклонился и схватил первый же попавшийся под руку обломок кирпича. Звонкий удар в голову – и боевик снова опрокинулся на спину, ударившись затылком об пол. Неторопливо подойдя к нему, спецназовец присел на корточки, взял голову террориста за подбородок и

лоб. Короткий рывок с поворотом в сторону – и противник обмяк.

Взбегая по ступеням на второй этаж, Котов очень внимательно смотрел вверх, на лестничную площадку, стараясь вовремя увидеть ствол винтовки, если Мариам все же услышит шум и не узнает его. Она слышала, но из-за угла высунулся не ствол винтовки, а ударила автоматная очередь. Он мгновенно упал на ступени и чуть сполз вниз.

– Мариам! Не стреляй, это я, Борис! – закричал Котов, но тут же серия разрывов мин на площади поглотила его слова.

Вторая очередь ударила по ступням, высекая искры и осколки бетона. Ругаясь на чем свет стоит, он стал сползать на животе еще ниже. Девушка из-за разрывов, а может, еще и из-за чувства паники, что боевики подобрались так близко, может не разобрать слов, и тогда Котов заорал песню. Он старался, чтобы это выглядело пением, иначе Мариам просто не узнает, не вспомнит ту шутку месячной давности, когда он пел русский романс, доказывая, что монополия пения возлюбленным под балконами не принадлежит только одним испанцам.

– Ми-ла-я, ты услы-ышь меня-а, под окном сто-ою я-а с гита-ра-ю!

И тут грохот разрывов почему-то прекратился, и под толками пустого и полуразрушенного здания голос спецназовца зазвучал с неуместными, абсолютно дурными интонациями:

– Ну, пацалуў же меня-а лишь один только раз... – Он поперхнулся, закашлялся и крикнул что есть силы: – Мариам, это же я, Борис! Не стреляй, сумасшедшая!

– Боря!

Девушка вышла из-за угла, держа автомат в опущенной руке. Глаза у нее были большие-большие и черные как угольки. Она терла щеки тыльной стороной руки, размазывая грязь еще больше, и не сводила глаз с русского офицера, как будто боялась, что он исчезнет, что это просто видение, мираж, наваждение, плод ее больного воображения, ее фантазии, которая уже начала мириться с неизбежной смертью.

– Боря, это ты? – спросила девушка по-русски. – Откуда же ты? Этого же просто не может быть! Я молила Бога, просила его сделать чудо, и вот...

Котов поднялся со ступеней, отряхнул колени, вспомнив некстати лейтенанта Зимина с его патологической аккуратностью, и пошел по ступеням к Мариам.

– Вот видишь, значит, ты все же раньше была недостаточно верующей, – улыбаясь, говорил он. – Чего же ты удивляешься, если твои молитвы достигли ушей Всевышнего. Вот он и послал меня спасать тебя. Ну все, все! Я здесь, и тебе больше ничего не угрожает. Все, моя маленькая солдатка, все теперь будет хорошо. Я вас вытащу!

Глава 3

Котов приподнял полу куртки, которой было закрыто лицо убитой девушки. Мариам тут же отвернулась и закрыла лицо руками. Пуля попала в голову выше правого глаза, и девушка, видимо, упала, опрокинувшись на спину. Кровь не залила лицо, а стекала на темя, так и осталась теперь запекшаяся кровавая полоса на волосах. Сирийка продолжала смотреть на этот мир открытыми глазами, в которых еще не исчезли непонимание, боль и удивление. Котов положил пальцы на лицо мертвой подруги Мариам и, закрыв ей глаза, тихо спросил:

– Как ее звали?

– Рихата Шейх, – так же тихо ответила по-русски Мариам. – Мы с ней еще в школе вместе учились. Дружили. И в армию вместе пошли. Нас было шесть подруг. Теперь осталось четверо.

– Как это случилось?

– Я не знаю. – Девушка присела у оконного проема, где на подоконнике лежала ее винтовка с оптическим прицелом. – Был бой. Нас послали сюда, на удобную позицию. А потом что-то изменилось, но мы приказа отходить не получили. Стрельба стихла, а вокруг никого. Рихата по рации стала вызывать командира, в штабе постарались нас успокоить, велели держаться. И мы поняли, что нас просто забыли.

Котов поднял рацию, пробитую пулей в том месте, где находилась батарея питания, пощелкал тумблером – рация, естественно, молчала. Затем прошел вдоль окон, стараясь подолгу не останавливаться. На площади валялось около двух десятков трупов, и явно не все они погибли от минометного огня.

– Вас пытались атаковать? – спросил он, кивнув на площадь.

– Да, два раза. Тогда рация еще работала. Мы стреляли, а наши прикрывали нас как могли. И пулеметным огнем, и из минометов. Хорошо еще, остался автомат. Кто-то из раненых бойцов оставил, когда его уносили. Только в нем патронов почти нет. Я на тебя остатки истратила.

Мариам посмотрела на Котова и улыбнулась беззащитной девичьей улыбкой. Чувствовалось, что она уже смирилась с неминуемой смертью, а теперь вот начинает снова верить в благополучный исход. Капитан тоже улыбнулся ей ободряющей улыбкой, поднял «АК-74», отсоединил магазин и выщелкнул в ладонь два последних патрона.

– На, держи при себе, если снова начнется атака, – протянул он оружие девушке и вытащил из карманов три полных магазина. – Только не лупи длинными очередями.

– Не буду лупить, – шмыгнула носом Мариам. – А мы что, не уходим? Мы чего-то ждем?

– Да. – Котов снова посмотрел на улицу, где началось движение фигурок в зеленых куртках, платках и в черных ша-

почках. Вытащив свою рацию, он включил ее и вызвал Зимина: – Зима, я Барс. Что там с подготовкой?

– Барс, я – Зима. Решают. Информации пока нет, – ответил переводчик.

– Какого черта они там копошатся? Не мычат и не телятся!

– Барс, может, вам... назад выбираться? – В голосе Зимина звучала тревога.

– Какое назад! Ты что? Потом за это здание придется десятками жизней платить. Ты не представляешь, какой отсюда обзор. Все как на ладони до другой стороны поселка. Тут тебе и НП, и корректировщиков посадить можно, и снайперы могут простреливать две улицы. За этот дом держаться надо всеми конечностями и зубами! Мы тут повоюем сколько сможем, а ты там не спи, тереби их. В два ствола не больно развернешься. – Котов на несколько секунд замолчал, потом добавил: – Зима, скажи, что у снайперов потери. Рихата Шейх убита. Мариам Назими в порядке.

– Хорошо, командир, – обрадовался переводчик. – Привет Маше!

– Сам скажешь, когда вытащу ее отсюда. Гоняй там их, гоняй! Атаковать надо. Артподготовка минометным огнем и вперед. Пусть моим путем проведут ударную группу в здание, а остальные зачистят со стороны улиц все окрестности. Штуки четыре ручных пулемета бы сюда и пару автоматических гранатометов...

Договорить спецназовец не успел. Он не столько услышал,

сколько почувствовал внутренним чутьем опытного солдата, как в ответ по сирийским позициям ударили минометы боевиков.

— Маша, быстрее к окну! — приказал Котов, пытаясь перекричать взрывы. — Возьми на себя правый сектор. Выбивай командиров, гранатометчиков и особо рьяных.

— Знаю, — деловито ответила девушка, подбирая автомат и бросаясь к окну, где лежала ее винтовка.

Котов положил автомат под левую руку и взял винтовку погибшей девушки. Ее подсумок с патронами лежал рядом. Вот они! Двое в зеленом перебежали и исчезли за углом дома слева. Спецназовец еще раз осмотрел свой сектор обстрела. Так, сбоку его могут достать только из окна высокого здания, но такого поблизости нет. Ближайшее метрах в шестистах, и вряд ли боевики будут отправлять туда снайпера. Скорее всего, они просто атакуют здание и возьмут его штурмом.

Мины больше не рвались, только пулеметы сирийцев обрабатывали фланги. Человек шесть выпали из-за домов и залегли в гряде камней. Ясно, что сейчас они сделают вторую перебежку и окажутся на границе площади, а потом в два приема ее преодолечат. Котов прикинул глазом к мягкому резиновому наглазнику прицела и быстро рассмотрел всех шестерых. Можно и не выбирать, но тогда они станут осторожнее и непредсказуемее. А если их лишить самого главного...

Он нажал на спуск, приклад винтовки приятно толкнул его в плечо, сухо выплюнув 7,62-мм пулю. Командир пере-

довой группы, который активно командовал и жестикулировал, откинулся на спину и замер с простреленной головой. Его солдаты тут же уставились на здание, наведя автоматы. Котов успел поймать в прицел голову еще одного и нажать на спуск. И второй уткнулся лбом в камни, замерев навечно. Тут же по окну стали бить пули, выбивая пыль, мелкие осколки кирпича и штукатурки.

Мариам выстрелила трижды, прежде чем по ее позиции тоже начали отчаянно стрелять снизу. Котов покосился на девушку, одобрительно отметил, что она очень грамотно меняет позицию, и, подхватив автомат, перебежал ко второму окну. Он не стал ложиться, а стоя приложил к плечу приклад винтовки и всем телом развернулся к оконному проему. Сразу же поймав в прицеле голову боевика, нажал на спуск и снова шагнул назад, под прикрытия стены. Он не сомневался, что попал. За спиной стреляла Мариам. Она успела снова сделать три выстрела. Котов хотел ее выругать за то, что стреляет часто и наверняка не всегда точно, но потом решил, что пока так даже и лучше. Пусть чаще стреляет, это остановит или хотя бы охладит наступающих.

Теперь уже снизу поливали очередями по двум окнам. Мариам прижалась боком к стене и закрывала лицо руками от осколков штукатурки. Логика подсказывала, что после такого обстрела вперед пойдут атакующие. Отложив винтовку, Котов взял автомат и приложил приклад к плечу, держа пока оружие стволом вниз. Один беглый взгляд показал, что дви-

жение уже началось. Обстрел значительно ослабел. Двое... трое... четверо боевиков, пригибаясь и прячась за камнями и развалинами, двинулись вперед. Сзади еще человек десять ложились за камни, выбегая из окрестных зданий. Наверняка у Мариам точно такая же картина.

Он выждал чуть меньше минуты, когда возможности укрываться у боевиков станет меньше, и поднял оружие. Три прицельные короткие очереди – и два боевика повалились на камни... Третий, держась за ногу, пытался отползти назад. Этот уже не боец. Котов отпрянул за стену, и тут же в оконный проем влетели пули, отбивая кирпич в проеме. Он бросился ко второму окну и оттуда еще тремя короткими очередями обстрелял тех, кто снова залег за камни. Кажется, двоих достал по-серьезному. Мариам тоже стреляла теперь из автомата. Котов посмотрел сбоку на ее сектор и нахмурился. Девушка оказалась не столь быстра и не столь метка в стрельбе из автомата. На ее участке боевики продвинулись уже чуть ли не до середины площади. Вытащив две гранаты, он размахнулся, швырнул их в наступающих боевиков на участке своей напарницы и закричал:

– Мариам! Продолжай тут одна, а я спущусь и пугну их там. Держись спокойно! Все будет хорошо! Винтовку я оставляю тебе. Меняй чаще позиции...

Капитан бросился по лестнице вниз и, перепрыгивая через кучи мусора, побежал в ту сторону, где наступали его «подопечные». К окну он успел вовремя. Двое боевиков, на-

деясь на прикрывающих их огнем товарищей, мчались к зданию как настоящие спринтеры. Еще двое готовились подняться и кинуться к окнам. Оставаясь невидимым в темном полуподвальном помещении, Котов поднял автомат и двумя очередями свалил самых ретивых. Вторая пара замерла на месте, и тут же он уложил еще одного. Теперь бросок в сторону... влево, влево, а не вправо! Это знают все грамотные офицеры спецназа. Человеку, если он правша, а таких большинство, свойственно менять позицию под огнем противника в правую сторону, и интуитивно стрелок ждет его появления именно с той стороны. Котов перебежал влево и упал на груды щебня.

Стреляя на ходу, человек пять боевиков ринулись вперед и еще столько же, лежа за камнями, обстреливали первый и второй этажи. Значит, не поняли еще, что на втором этаже меня нет, ухмыльнулся Котов. Вы так и не поймете, сколько в здании человек? Вам же хуже. Еще несколько шагов – и вам деваться будет некуда. Сюрприз!

Он стал стрелять короткими очередями, сваливая одного за другим. Боевики заметались, кто-то упал, но скрыться от огня на открытом участке было невозможно. Вокруг спецназовца били пули, осколки осыпали его вместе с пылью, но он выпустил еще несколько очередей, добивая оставших, а потом откатился в сторону, вынимая попутно пустой магазин и вставляя новый, полный. Сквозь звуки стрельбы и далеких разрывов он все-таки различил, что Мариам сверху продол-

жает стрелять, но только теперь это снова была «СВД» с ее хлесткими выстрелами. Или боевики откатились, и она выстреливает особо храбрых, или... она это делает зря.

Котов вскочил на ноги и подбежал к стене, откуда просматривалась часть площади справа от него. Ах, японский городской... Несколько боевиков прорвались к самому зданию, сзади бежали еще человек пять, а за камнями начинали подниматься еще не меньше десятка. Он выругался, поминная недобрым словом командование сирийского батальона с их заминками и нерасторопностью, и, поднявшись во весь рост в дверном проеме, разбитом снарядами, от пояса разрядил половину магазина в группу подбегавших боевиков. От неожиданности те растерялись, трое повалились на камни, обливаясь кровью, двое повернули назад, полагая, что попали в засаду. Но сзади бежали еще несколько человек, стреляя на ходу и выкрикивая что-то ободряющее по-арабски.

У оконного проема была навалена куча щебня, и Котову легко удалось взбежать наверх и снова открыть огонь. Еще двое убитых, но теперь шквальный огонь обрушился почти на весь этот угол первого этажа, а пыл боевиков так и не угас. Последние две гранаты! Котов стал расстегивать кармашки на «разгрузке», с ожесточением думая: «Это моя последняя артиллерия!»

Бросив короткий взгляд наружу, спецназовец размахнулся и кинул одну за другой обе гранаты, целясь в скопление боевиков. Первая – троем, которые были ближе всего к зда-

нию, вторая – группе из восьми человек, что поднялись из-за камней с готовностью броситься на штурм. Снова перехватив автомат двумя руками, Котов кинулся к следующему окну, но тут через дверной проем влетела одна, а потом вторая граната, выпущенная из подствольного гранатомета. Падая, он машинально попытался прикрыть голову хоть автоматом, но тут земля под ним подпрыгнула, сильно ударив его снизу и сбоку. На миг в глазах потемнело, рот наполнился пылью и кровью, и весь мир сначала потемнел, а потом сполз беспомощно куда-то в бок и раздвоился в нелепом и беспомощном положении.

Вставай... приказывал себе Котов, скребя ногтями по камням... Вставай. Машка там одна, она не справится! Что за гул и грохот... почему земля все еще шевелится? Ах, его же контузило! Скрипя зубами и борясь с тошнотой от резкой смены положения, Котов все же встал на колени. Яркие краски в глазах постепенно приобрели черно-белые оттенки, а мир вернулся в вертикальное положение. Отплевываясь и стирая дурноту с лица ладонью, Котов двинулся к лестнице на второй этаж. Ноги не слушались, земля норовила уйти в сторону, но он все же добрался до лестницы, взобрался на второй этаж и увидел Мариам, живую и здоровую, с прижатым к груди автоматом. Она стояла у стены и выглядывала на улицу.

– Маша, живая? – попытался крикнуть он, но из его пересохшей и забитой пылью глотки вырвался лишь сиплый ше-

пот.

– Боря! – Девушка сорвалась с места, бросив автомат, и подбежала к нему. – Боря, там наши! Танки! Они гонят боевиков, гонят.

– Кто бы сомневался, – криво усмехнулся спецназовец, навалившись на девушку всем телом, чтобы не упасть.

– Ты ранен? – вдруг опомнилась Мариам и стала торопливо осматривать его. – Что с тобой, Боря? Ты цел?

– Да цел, цел, – усмехнулся спецназовец. – Что мне делается? У тебя воды нет?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.